

ЛЮДМИЛА КАРПОВА (Тарту)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В СРЕДНЕЧЕПЕЦКОМ ДИАЛЕКТЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА

Данная работа посвящена рассмотрению особенностей употребления некоторых падежей в среднечепецком диалекте, входящем в большую группу диалектов и говоров северноудмуртского наречия.

В основу исследования положены полевые материалы, собранные автором во время научных экспедиций к чепецким удмуртам в 1987—1992 гг. Дополнительно привлекаются фольклорно-диалектологические тексты из «Образцов удмуртской речи» Ю. Вихманна (Wichmann 1893; 1901), а также материалы диалектологических экспедиций Удмуртского государственного университета (ДЭ 1980; ДЭ 1983а; ДЭ 1983б; ДЭ 1988; ДЭ 1995) и Удмуртского научно-исследовательского института (ЛЭ 1929; ЛЭ 1936; ЛЭ 1954).

Одной из морфологических особенностей, отличающих исследуемый диалект от других удмуртских диалектов и литературного языка, является значительно большее количество падежей — 21: номинатив, аккумулятив, генитив, аблатив, датив, каритив, инструменталь, адвербиаль, инессив, иллатив, элатив, эгрессив, пролатив, терминатив, приближительный инессив, приближительный иллатив, приближительный элатив, приближительный эгрессив, приближительный пролатив, приближительный терминатив (заметим, что в большинстве удмуртских диалектов и литературном языке — 15 падежей). Связано это с развитием серии вторичных приближительноместных падежей (термин «приблизительноместные падежи» по: Тепляшина 1981 : 286), характеризующихся наличием элемента *-ń-* в падежном показателе. В отличие от показателей обычных местных падежей суффиксы приближительноместных обладают своим определенным значением, указывая, как отмечает Т. И. Тепляшина (1981 : 287), на нахождение или действие по отношению к конкретному предмету. Новые падежные форманты, широко употребляющиеся с существительными, имеют тенденцию присоединяться и к личным местоимениям, например *mińnam* 'к нам; ко мне', *tińnad* 'к вам; к тебе', *soosńiś* 'от них' и т.д. Формирование серии приближительноместных падежей свойственно только северноудмуртским говорам, но не всем. Из трех наиболее исследованных северных диалектов (нижнечепецкий, среднечепецкий, верхнечепецкий) функционирование данных падежей характерно для нижнечепецких (Тепляшина 1970 : 167; 1981 : 285—286) и среднечепецких (Карпова 1990 : 67—68) говоров. В верхнечепецких говорах, по мнению А. А. Алашеевой (1992 : 16, 18), аналогичные падежные формы отсутствуют.

В большинстве удмуртских диалектов приблизительноместным падежом чаще других соответствуют послеложные конструкции с послелогом *дор-*, реже *ди́н-*: срч. *ešeznie* 'к другу', удмЮ *ešez dorj*, врч. *ešez diine*.

Относительно происхождения падежных форм с элементом *-ń-* существуют разные мнения. К примеру, А. И. Емельянов (1927 : 123) предполагал, что формант *-ńe* глазовского диалекта восходит к послелогу, образовавшемуся от имени существительного *in* 'место' + падежное окончание. Нам представляется более вероятной точка зрения исследователей (Wichmann—Fuchs 1954 : 50, 135—136; Вахрушев 1959 : 236; Тепляшина 1981 : 287), объясняющих происхождение показателя *-ń-* на базе послелогов с основой *diin-* 'у, около, возле, при', которые, в свою очередь, образовались от имени существительного *diń* 'основание, комель; близость, околица'.

До настоящего времени остается открытым вопрос о точном количестве *-ń-*евых падежей (в диалектах оно колеблется от четырех до шести). До недавнего времени среди ученых бытовало мнение, что таких падежей два — с суффиксами *-ńe* и *-ńjn*. Т. И. Тепляшина отмечает, что *-ń-*евый признак в северноудмуртских говорах, в частности нижнечепецких, реально используется в составе шести местных падежных оформителей, за исключением аппроксиматива (1981 : 285—286).

В среднечепецких говорах, как показывает анализ имеющегося диалектного материала, *-ń-*евый признак систематически встречается в четырех падежах, чаще всего в инессиве и иллативе, реже — в элативе, эгрессиве. Примеры: Кач. *s o ś e d ŋ e gine vetloz* 'К с о с е д у только сходит'; Пыш. *tań noš kãtsã pãriz, k o l' a o s ŋ â n, vãldã* 'вот снова куда-то исчез (зашел), у К о л и, наверное, (находится)'; Деб. *kał' e š e ŋ â ś e n mon soje pumitaj* 'только что у с в о е г о д р у г а я его встретил'; Деб. *v a l' a o s ŋ â ś kãče ke todmotem adami potiz* 'И з (д о м а) В а л и какой-то незнакомый человек вышел'. Что касается приблизительного пролатива и приблизительного терминатива, то примеров на их употребление в наших текстовых записях фольклорного и повествовательного характера не обнаружилось. Однако в материалах, собранных по специальному словеснику-вопроснику для определения ареала распространения того или иного явления, наличие этих падежных форм фиксируется. Примеры: Чурич. *sošedńoś* 'до соседа', Чурич. *sošedńjt'i* 'у соседа', Ник. *adamińoś* 'до человека', Ник. *adamińjt'i* 'у человека'. Данный факт свидетельствует, как нам кажется, о вполне реальном функционировании приблизительного пролатива и приблизительного терминатива в исследуемом диалекте.

Интересно высказывание Р. Бейкера относительно характера функционирования *-ń-*евых падежей в северноудмуртских говорах (Baker 1985 : 172—174). Обращаясь к материалам Т. И. Тепляшиной (1981 : 283—292), он задается вопросом: что представляют собой четыре других падежа с формантами *-ńjś*, *-ńjšen*, *-ńjt'i*, *-ńoś*, выявленные Т. И. Тепляшиной в нижнечепецких говорах в дополнение к двум признанным падежным формам с показателями *-ńe* и *-ńjn* — выступают ли они как реликтовое явление процесса трансформации послелогов на *diń* в падежное окончание или существуют на самом деле? Не имея возможности привлечь дополнительный материал из других удмуртских говоров и опираясь на имеющийся материал, Р. Бейкер тем не менее полагает, что падежные формы на *-ńe* и *-ńjś* (по Р. Бейкеру, аллатив II и абессив II соответственно), возможно, возникли раньше, чем остальные приблизительноместные падежи с формантами *-ńjś*, *-ńjšen*, *-ńjt'i*, *-ńoś* (Baker 1985 : 173—174). Сравнительные данные о падежах с показателями *-ńe* и *-ńjn*, с одной

стороны, и *-ńįś*, *-ńįsen*, *-ńįt'i*, *-ńoź*, с другой, из проанализированного нами диалектного материала разных периодов по среднечепецкому диалекту подтверждают данное предположение. К примеру, в диалектных текстах по исследуемым говорам, записанным в конце прошлого и начале нашего столетия (Гаврилов 1880; Wichmann 1893; 1901), в материалах лингвистических экспедиций (ЛЭ 1929; ЛЭ 1936; ЛЭ 1954), а также в работах исследователей чепецких диалектов (Вахрушев 1959 : 228—241; Лыткин, Тепляшина 1959 : 218—227) из приблизительноместных падежей встречаются главным образом приблизительноный инессив и приблизительноный иллатив, в единичных случаях — приблизительноный элатив. Примеры: *odig-ogzįje* (Гаврилов 1880 : 73) 'друг к другу', *mumizńin* (Wichmann 1893 : 114) 'у своей матери', *ǰarmizńie* (Wichmann 1901 : 139) 'к своему тестю', Оз. *mńńam* (ЛЭ 1929 : 55) 'к нам', Бар. *beće-jezńin* (ЛЭ 1936) 'у подруги', Тук. *mńńam* (ЛЭ 1954) 'к нам', *adamine* (Лыткин, Тепляшина 1959 : 224) 'к человеку', *staroverńin* (Вахрушев 1959 : 236) 'у старовера', *staroverńįś* (там же) 'от старовера' и т.д. В диалектных источниках и работах более позднего периода отмечаются и формы других падежей с *-ń*-евым признаком. В частности, в материалах студенческих диалектологических экспедиций (ДЭ 1980; ДЭ 1983а; ДЭ 1983б; ДЭ 1988; ДЭ 1995) по исследуемому региону, кроме указанных двух приблизительно-местных падежей, зафиксированы падежные формы с формантами *-ńįś*, *-ńįsen*, *-ńįt'i*, *-ńoź*. Правда, следует отметить, что в текстовых записях эти четыре падежа, как и в наших личных собраниях, практически не встречаются, их наличие в том или ином населенном пункте фиксируется в основном в словарных статьях экспедиционных материалов, выполненных по специальной программе-вопроснику В. К. Кельмакова (1974; 1990). Приведем некоторые примеры этих словоформ из материалов диалектологической экспедиции 1988 г., записанных в деревне Бармашур Ярского района: *ešėńin* 'у моего друга', *ešėńe* 'к моему другу', *ešėńįś* 'от моего друга', *ešėńoź* 'до моего друга', *ešėńt'i* 'у моего друга'.

Описанная ситуация по функционированию приблизительноместных падежей наводит на мысль, что сегодня мы наблюдаем определенный результат процесса трансформации послелогов на *dń-* в падежное окончание, когда, с одной стороны, отмечаются два самостоятельных и активно используемых падежа — приблизительноный инессив и приблизительноный иллатив соответственно с формантами *-ńin* и *-ńe* — и, с другой, выделяются четыре вполне оформившихся, но имеющих весьма узкую сферу употребления падежа — приблизительноный элатив, приблизительноный эгрессив, приблизительноный пролатив и приблизительноный терминатив соответственно с формантами *-ńįś*, *-ńįsen*, *-ńįt'i*, *-ńoź*. Пока довольно сложно сказать что-либо определенное относительно природы функционирования последних четырех падежей на современном этапе. Но основываясь на приведенном материале, можно допустить, что падежные формы с показателями *-ńin*, *-ńe* сформировались раньше, чем остальные аналогичные падежи.

Нельзя оставить вне внимания и тот факт, что параллельно падежным формам с элементом *-ń-* в среднечепецком диалекте употребляются конструкции с послелогом *dor-*, например: Ук. *kuzojen soos lįkti-zį m u ž i k e d o r j* 'вдвоем (парой) они пришли к моему мужу'; Кож. *tin oź pije uliz š e s t r a j e d o r ž n* 'вот так сын мой жил у моей сестры'. Наиболее часто аналитическая конструкция с послелогом *dor-* употребляется на мес-те возможных форм приблизительноного элатива, приблизительноного эгрессива, приблизительноного пролатива и приблизительноного терминатива.

Локальные падежи с элементом *-ń-*, образованные от послелогов на *dń-*,

отмечаются и в родственном коми-пермяцком языке (в коми-пермяцком от послелогов на *djñ* (Баталова 1975 : 135—140; 1982 : 98)). По мнению Р. Бейкера, процесс разрушения послелогов и вследствие этого образования новых падежных форм с элементом *-ñ-* (в северноудмуртских и южнокоми-пермяцких говорах) происходил в каждом из языков параллельно и независимо друг от друга (Baker 1985 : 198).

Аналогичное превращение послелогов в падежный оформитель обнаруживается во многих финно-угорских языках, но более интенсивно оно происходит в венгерском, коми-пермяцком и некоторых прибалтийско-финских языках (Майтинская 1979 : 105—113; Oinas 1961; Tauli 1966 : 112—118; Baker 1985 : 159—164; Tikka 1992).

Помимо наличия большого количества падежей, особенности среднечепецкого диалекта проявляются также в оформлении и употреблении некоторых падежных форм.

Аккузатив множественного числа в исследуемом диалекте имеет показатель *-tš*. Примеры: Пыш. *v a l' l' o s t š vordemez kaläklen kal' ug ni pot: tros turskono soosñ* 'л о ш а д е й д е р ж а т л ю д я м с е й ч а с н е х о ч е т с я : н у ж н о м н о г о в о з и т ь с я с н и м и'; Диз. *p a r s p i o s t j vuzanj koškiz mužike* 'п о р о с я т п р о д а в а т ь у е х а л м о й м у ж'. По данным удмуртской диалектологии, суффикс аккузатива *-tš* встречается во всех северноудмуртских говорах. Отчасти он отмечается и в средних говорах, например, прикильмезских (Загулева 1980 : 95), средневосточных (Бушмакин 1971 : 22), граничащих с северными диалектами. В южноудмуртских говорах подобная падежная форма оформляется суффиксом *-jz*.

В среднечепецком диалекте встречается несколько фонетических вариантов показателя пролатива: *-(e)t'i*, *-(š)t'i*, *-(j)t'*, *-(e)t'*, *-ki*, употребление которых не совсем одинаково в разных говорах. В ярском говоре обнаруживаются все варианты показателя данного падежа, для юкаменского говора характерны в основном варианты *-(e)t'i*, *-(š)t'i*, в глазовском говоре чаще отмечаются формы с суффиксами *-(e)t'i*, *-(š)t'i*, реже с суффиксом *-ki*. Примеры: яр. — Дзяк. *kud ogez tulš ngden seren vetlo b a k č a e t'* 'некоторые (люди) весной из-за грязи ходят через огород (п о о г о р о д у)'; Бач. *š u r e s j t' i ašme pala mašina ušške* 'п о д о р о г е в н а ш у с т о р о н у м а ш и н а и д е т'; Куз. *masleñčaje u l' č a k i naškinñasa vetlji:zj* 'в масленицу п о у л и ц е н а л о ш а д я х к а т а л и с ь'; юк. — НЕЛ. *kin šetm dišaške, kin čeber dišaške, oš korkaš k o r k a t' i vetlälim akajaškae* 'кто обычно (некрасиво) оденется, кто красиво оденется, так п о д о м а м (из дома в дом) ходили (в праздник) акашку'; гл. — Ад. *pädän ta š u r e s š t' i mñod vešak* 'пешком п о э т о й д о р о г е в с е п р я м о п о й д е ш ь'; Кож. *šo l š m š j e k i golžk päd mñi* 'в с е п о с н е г у б о с и к о м ш л а'. Показатель пролатива *-(j)t'* в ярском говоре образовался, безусловно, от формы *-(j)t'i* путем выпадения конечного гласного *i*. Что касается варианта *-ki*, то он, как отмечают исследователи (Wichmann 1924 : 155), произошел из суффикса *-ti*.

Во всех говорах рассматриваемого диалекта имеют место отдельные случаи употребления форм эгрессива в значении элатива, например: Гул. *g u r t š e n nullim šijon* 'и з д е р е в н и н о с и л и е д у'; Кож. *kal' gine u l' č a š e n pšri* 'т о л ь к о с е й ч а с с у л и ц ы з а ш е л (я)'. Функционирование формы эгрессива в значении элатива, по-видимому, объясняется близостью этих падежей в выражении места, откуда происходит действие. В отличие от элатива, который тоже показывает, откуда происходит действие, слово в эгрессиве конкретнее указывает место, как бы выделяя его.

В ярском говоре есть немало примеров, когда инессивное значение выражается пролативными средствами, например: Дзяк. *d' e r e v n á ĵ t' umoĵ veralo* 'в деревне (по д е р е в н е) хорошо говорят'; Куз. *mi ĵall'o u l l a n ĵ t' ulim* 'мы раньше в нижней части (деревни) (в н и з у) жили'.

Как правило, во всех говорах среднечепецкого диалекта для выражения цели действия вместо датива южноудмуртских говоров с показателем *-lĵ* употребляется сочетание существительного или другого имени с послелогом *ponna*: срч. *vu ponna tñniz*, удмЮ *vulĵ miniz* 'за водой пошел'. Примеры: Ад. *p u p o n n a soos kal' koški-zđ čaččaje* 'з а д р о в а м и они недавно уехали в лес'; Кельд. *n á n p o n n a vešjakarĵs kĵšnomurt tatsĵ tuball'az* 'з а х л е б о м женщина из (деревни) Весьякар сюда ходила'.

В исследуемом диалекте одни падежи встречаются очень часто, другие — редко. В частности, гораздо реже по сравнению с остальными удмуртскими диалектами отмечаются здесь формы некоторых местных падежей, их заменяют аналитические конструкции. Например, на употребление аппроксиматива в имеющемся в нашем распоряжении диалектном материале зафиксировано всего три примера: Деб. *vâl' šamen gurtâš užez tupato-mâ, j u g â t l a n ĵ gurt kalâkez berâkto-mâ* 'по-новому деревенскую жизнь наладим, к с в е т у деревенский люд поведем'; Шоб. (ДЭ 1983б) *munčije pĵrem bere, veñikes munčijaz zirtĵli-zĵ, kudlañ, pe, niĵĵz ušoz: č e r k l a n ĵ — adami kuloz, s a d l a n ĵ — uloz* 'после того как заходили в баню, веник кидали в бане, (чтобы узнать) по направлению к чему его ручка упадет: по н а п р а в л е н и ю к ц е р к в и — человек умрет, (значит), по н а п р а в л е н и ю к с а д у — (человек) будет жить'; Кор. *k ĵ n t o n l a n ĵ kariške, vot sa-moj soku pužmer lue* 'к з а м о р о з к а м (погода) идет, вот именно тогда бывает иней'. Формам аппроксиматива литературного языка со значением направления движения по месту или времени в диалекте чаще всего соответствуют послеложные сочетания с послелогом *pala* 'по направлению, в сторону', например: Пыш. *todmotem adami v u k o p a l a košiz* 'незнакомый человек повернул в с т о р о н у м е л ь н и ц ы'; Чир. *kal' ne podrugajed zĵĵk š u r e s p a l a košiz* 'только что твоя подруга по н а п р а в л е н и ю к тракту (б о л ь ш о й д о р о г е) ушла'.

На фоне других удмуртских диалектов в среднечепецких говорах наблюдается и более частое выражение терминативного значения послелогом *dorož* 'до', например: Коч. *gurt dorož ik kelasa vajiz so mone* 'до дома же проводил он меня'; Кож. *š k o l a d o r o ž tubâsa, pârono kariški* 'д о ш к о л ы дойдя (поднявшись) решила зайти'.

Таковы, по нашим наблюдениям, основные особенности в употреблении падежных форм среднечепецкого диалекта, которые выражаются, с одной стороны, в функционировании серии приблизительных падежей, с другой, в фонетическом оформлении пролатива, своеобразном употреблении и выражении датива, эгрессива, аппроксиматива, терминатива.

Сокращения

Названия населенных пунктов: Ад. — Адам, Бар. — Бармашур, Бач. — Бачумово, Гул. — Гулеково, Деб. — Дебы, Дзяк. — Дзякино, Диз. — Дизьмино, Кач. — Качкашур Глазовского района, Кельд. — Кельдыково, Кож. — Кожиль, Кор. — Коротай, Коч. — Кочишево, Куз. — Кузьмино, НЕл. — Ново-Елово, Ник. — Никольское, Оз. — Озегвай, Пыш. — Пышкет, Тук. — Туктыши, Ук. — Укан, Чир. — Чиргино, Чуриг. — Чуригвал, Шоб. — Шобоково.

Говоры и диалекты удмуртского языка: врч. — верхнечепецкие говоры, гл. — глазовский говор, срч. — среднечепецкий диалект, удмЮ — южноудмуртские говоры, юк. — юкаменский говор, яр. — ярский говор.

ДЭ 1980 — Материалы диалектологической экспедиции УдГУ, Глазовский район; **ДЭ 1983а** — Материалы диалектологической экспедиции УдГУ, Глазовский район; **ДЭ 1983б** — Материалы диалектологической экспедиции УдГУ, Ярский район; **ДЭ 1988** — Материалы диалектологической экспедиции УдГУ, Ярский район; **ДЭ 1995** — Материалы диалектологической экспедиции УдГУ, Балезинский район; **ЛЭ 1929** — Материалы лингвистической экспедиции УдНИИ. — Рукописный фонд УдНИИ, п. 336; **ЛЭ 1936** — Материалы лингвистической экспедиции УдНИИ. — Рукописный фонд УдНИИ, п. 344, 345; **ЛЭ 1954** — Материалы лингвистической экспедиции УдНИИ. — Рукописный фонд УдНИИ, п. 445.

ЛИТЕРАТУРА

- Алашеева А. А. 1992, Пространственные падежи северно-удмуртского наречия (на материале верхнечепецкого говора). — Пермистика 3. Диалекты и история пермских языков, Сыктывкар, 16—19.
- Баталова Р. М. 1975, Коми-пермяцкая диалектология, Москва.
- — 1982, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки), Москва.
- Бушмакин С. К. 1971, Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Автореф. канд. дисс., Ижевск—Москва.
- Вахрушев В. М. 1959, Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка. — ЗУдмНИИ, вып. 19, 228—241.
- Гаврилов Б. 1880, Произведения народной словесности, обряды и поверия вотяков Казанской и Вятской губернии, Казань.
- Емельянова А. И. 1927, Грамматика вотяцкого языка, Ленинград.
- Загуляева Б. Ш. 1980, Морфологические особенности прикильмезских говоров удмуртского языка. — FU 6, 103—109.
- Карпова Л. Л. 1990, О некоторых морфологических особенностях дебинского говора. — Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка, Ижевск, 66—84.
- Кельмаков В. К. 1974, Удмурт диалектология (методической юрттэт). 1 издание, Ижевск.
- — 1990, Удмурт диалектология (методической юрттэт). 2 издание, Ижевск.
- Лыткин В. И., Тепляшина Т. И. 1959, Некоторые особенности глазовского диалекта. — ЗУдмНИИ, вып. 19, 218—227.
- Майтинская К. Е. 1979, Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков, Москва.
- Тепляшина Т. И. 1970, Нижнечепецкие говоры северно-удмуртского наречия. — ЗУдмНИИ, вып. 21, 156—196.
- — 1981, О новых удмуртских падежах. — CIFU V, Pars IV, 235—292.
- Вакер, R. 1985, The Development of the Komi Case System, Helsinki (MSFOu 189).
- Oinas, F. 1961, The Development of Some Postpositional Cases in Balto-Finnic Languages, Helsinki (MSFOu 123).
- Taulli, V. 1966, Structural Tendencies in Uralic Languages, The Hague.
- Tikka, T. 1992, Vepsän suffiksoituneet postpositiot. Kieliopillisiin sijoihin liittyvä suffiksoituminen, Uppsala (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia 22).
- Wichmann, Y. 1893, Wotjakische Sprachproben I. Lieder, Gebete und Zaubersprüche. — JSFOu 11.
- — 1901, Wotjakische Sprachproben II. Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. — JSFOu 19.
- — 1954, Wotjakische Chrestomathie mit Glossar, Grammatikalischer Abriss von D. R. Fuchs, Helsinki.

**PECULIARITIES OF USAGE OF CASE FORMS
IN THE UDMURT MIDDLE-ČEPČA DIALECT**

The paper deals with the analysis of case forms in the Middle-Čepča (-Čupći) dialect of Udmurt, spoken in Northern Udmurtia. In comparison with the other contemporary dialects of Udmurt, this dialect, like the Upper-Čepča dialect, possesses a number of outer local cases characterized by the morpheme *ń*. It is suggested that the *ń*-cases are derived from the postpositions in *dini*-. On the strength of the data available it can be asserted that there are 6 so-called *ń*-cases: the inessive in *-ńđn*, the illative in *-ńe*, the elative in *-ńđś*, the egressive in *-ńđśen*, the prolative in *-ńđt'i*, the terminative in *-ńož*. Specific features are revealed in the phonetic appearance of the prolative form (endings: *-(e)t'i*, *-(đ)t'i*, *-(e)t'*, *-(i)t'*, *-ki*), functions of the egressive and the prolative forms and in the usage of the dative, terminative and approximative.